

ОРИЕНТАЦИОННЫЙ ПОДХОД В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

В.М. КРЮКОВ

*Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*

ВВЕДЕНИЕ

Идея ориентационного подхода как особой гносеолого-методологической единицы кажется столь же сама собой разумеющейся, сколь в действительности таковой не является, ибо до определенного момента она не выступала предметом специального анализа. Положение существенным образом изменилось, когда в период усиления внимания философов к деятельностным аспектам познавательной активности человека в поле зрения исследователей вошла особая рода деятельность познающего субъекта, а именно ориентационная деятельность.

Естественной предпосылкой осмысления существования специфических механизмов ориентации человека в окружающем мире является признание объективной роли, которую в существовании всего живого вообще и человека, в частности, играют случай, неопределенность, многообразие и изменчивость действительности. Это признание влечет за собой не только утверждение о реальности механизмов ориентации и их «узнавание» в структуре факторов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность человека, но делает возможным вывод о том, что за действием ориентационных механизмов, отражающих объективные ориентационные зависимости, стоит особое отношение человека к миру: ориентационное, находящее свое специфическое выражение в таких важных сферах его бытия, как наука и образование.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уникальность действий и воззрений ученых во многом объясняется спецификой их ориентации, особенностью разрешения ими тех ориентационных ситуаций, в которых они с необходимостью оказываются как субъекты познавательной деятельности вообще и как субъекты конкретно-научного исследования, в частности. Давая общую оценку положения и роли науки в современной общественной жизни, следует отметить, что очевидный прогресс научного знания, выразившийся в радикальных изменениях условий и образа жизни людей на планете, не только не сделал столь же очевидным место и роль науки, а вместе с тем и разума человека в будущем общественном развитии, но, наоборот, в еще большей степени затруднил решение старой философской проблемы о соотношении иррационального и рационального в постижении и реализации человеком смысла, целей и ценностей его бытия в природе и социуме. Сталкиваясь с трудностью решения «вечных» философских вопросов, вряд ли следует сегодня ограничивать пространство поиска ответов лишь выбором какого-либо единственного направления – типа: «Назад к Канту!», «Назад к Гегелю!», или же – «Вперед к шизоанализу!», как, безусловно, не следует забывать собственно о вкладе таких великих мыслителей как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и др. в развитие философской мысли и в решение непреходящих ее вопросов.

Речь идет о том, что рассматриваемые современным философским, гуманитарным и естественнонаучным мышлением проблемы столь сложны, многосторонни и противоречивы в их проявлениях, что, возможно, могут не только не иметь однозначного на все случаи и на все времена установленного решения, но не иметь и единого к ним подхода, способа, метода исследования. Любой из них в своей односторонности способен скорее исказить предмет, нежели его прояснить. Обратимся, например, к вопросу о специфике современного методологического знания, в котором имплицитно содержится и вопрос о соотношении рационального и иррационального в мотивации практической деятельности человека.

Для Г.В.Ф. Гегеля диалектика как способ развертывания, развития духовной реальности была вместе с тем и способом, методом ее постижения философским мышлением. Расхождение результатов, даваемых гегелевским философским исследованием природы и результатов, даваемых научным мышлением, опирающимся на эмпирические методы, стимулировало, как известно, развитие позитивизма, акцентировавшего, при всех возможных оговорках, внимание в первую очередь на психологических и логических аспектах научно-познавательной деятельности. Оставаясь в рамках субъективно-идеалистической методологии, позитивизм на всех этапах его развития в целом отрицательно относился и к гегелевской диалектике, и к кантовской трансцендентальной логике. Между тем развитие диалектического метода в марксистской, а затем в диалектико-материалистической мысли, с одной стороны, и развитие кантовской априористской методологии, с другой

стороны, несмотря на их повсеместно декларируемую идейно-теоретическую несовместимость и с позитивизмом, и друг с другом, готовило почву для понимания того, что:

- а) познавательное отношение человека к миру не является одномерным;
- в) в духовном опыте человечества накоплено много различных способов удовлетворения познавательных потребностей, без учета которых вряд ли возможна эффективная методологическая ориентация в современной сложной динамической реальности;
- с) в современном философском и научном познании наступил период гносеологического и методологического плюрализма и альтернатив.

Не означает ли наступление такого периода в познавательной деятельности утверждение реального господства методологического анархизма, апатизирующе предсказываемого в свое время П. Фейерабендом? Как отмечал Л.Б. Баженов, П. Фейерабенд приходит к отрицанию особого эпистемологического статуса науки, отправляясь преимущественно от методологической проблематики, суть которой выражается достаточно просто: нельзя найти ни одного методологического предписания (нормы, правила, требования), которое бы никогда в истории науки не нарушалось и при том не нарушалось успешно [1]. Сам Фейерабенд писал, что «наука всегда полна пробелов и противоречий, что невежество, слепое упрямство, предрассудки, лживость не только не препятствуют развитию познания, но являются существенными предпосылками, и что если бы такие традиционные добродетели как точность, непротиворечивость, «честность», уважение к фактам, максимум знания при данных обстоятельствах и т.п. действительно проводились в жизнь, то это могло привести к прекращению познания» [2, с. 418].

Хорошо известно созвучное идеям Фейерабенда высказывание одного из видных физиков Н. Бора: «Все мы видим, что Ваша теория безумна. Мы расходимся лишь в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть истинной. Я считаю – она недостаточно безумна, чтобы быть истиной». Для обыденного, неискушенного сознания не только существующие теории, но и подходы, приемы, методы осмысления реальности – будь то реальность объективная, субъективная или же виртуальная – представляются и безумными, и не истинными. Традиционные эпистемологические, метафизические и рационалистические устои научно-познавательной деятельности в еще большей степени подвергаются критике в рамках постмодернистской методологии. В теоретических положениях деконструктивизма находит свое выражение прямая оппозиция важнейшим идеалам «нормальной науки».

Базируясь на трех основных идеях: на вере в освобождение человеческого рода, на убеждении в том, что история имеет смысл, и на диалектической оппозиции субъекта и объекта познавательной деятельности, философский деконструктивизм противопоставляет себя традиционному видению и пониманию научности [3]. Он акцентирует внимание и придает особое значение асимметрии, нелинейности, иррациональности, прерывности, индетерминизму и непредвидимости, тем самым осуществляет прямое тотальное отрицание классического понимания науки и ее методологических основ. Вместе с тем утверждается отрицание веры в разум. Изменяется соответственно и методологический инструментарий, в котором место рационалистических методологических принципов, идей, положений занимает свободная игра ассоциаций, аналогии и метафоры, ирония и дистанцирование, позволяющие постичь те стороны в познавательной действительности, которые оказывались недоступными с позиций рационалистической методологии. При этом критика разума и рационалистической методологии простираются до признания в качестве главных форм научной деятельности фарса и подделки, до использования в качестве доминантных средств объяснения явлений действительности категорий вероятности, неопределенности, хаоса и т.п.

Существует и такая точка зрения (например, New Age), согласно которой в качестве основного метода в естествознании признается поэзия, а эмпирическая методология рассматривается как не критическая фантазия. Безусловно, это является проявлением спиритуализма и гностического эзотеризма в области научного познания. На наш взгляд, глубинной причиной такого рода трансформаций научного и философского сознания является исчерпание гносеологических полей, их смена в настоящее время и переформулировка предмета философской и научной рефлексии [4].

Понимание того, что метод исследования независимо от субъективных желаний и предпочтений субъекта познания должен быть адекватен объекту и предмету познания, в одинаковой мере служит основанием для развития методологического сознания в двух противоположных направлениях, а именно в направлении расширения методологического арсенала, формирования все новых сколь угодно экзотических методов и приемов, позволяющих реализовать требование полноты, целостности, всесторонности познания, во-первых, и, во-вторых, в направлении отбора, диалектического синтеза средств и приемов познавательной деятельности, имеющих различную природу, с целью постижения объектов исследования во всей их внутренней сложности, противоречивости, изменчивости. Как мы полагаем, именно в процессе отбора методологических средств исследования реализуется важнейшее атрибутивное, сущностное качество субъекта познания – *способность ориентироваться*, т.е. осуществлять, устанавливать количественную и качественную, пространственную и временную форму и меру использования наличествующего знания в опосредовании исследуемой действительности.

Ориентационный подход как особый способ познания и овладения действительностью является наиболее важной формой проявления указанной способности. Основанием ориентационного подхода является рефлексия в рамках философского осмысления жизнедеятельности человека и его познавательной деятельности – потребности человека в ориентации, т.е. в обретении им определенности как функции его местонахождения (в широком смысле) в универсуме «здесь и сейчас», а также предпосылок и способов ее удовлетворения. Иными словами: ориентационный подход имеет место там, где осознанно или не вполне осознанно формируется специфическая деятельность по удовлетворению указанной потребности. Что касается самой рефлексии, то она имеет место не только в философских, но и в естественнонаучных исследованиях. Так, например, русский физиолог И.П. Павлов писал: «Едва ли достаточно оценивается рефлекс, который можно было бы назвать исследовательским или, как я его называю, рефлекс «что такое?», тоже один из фундаментальных рефлексов... Биологический смысл этого рефлекса огромен. Если бы у животного не было этого рефлекса, то жизнь его каждую минуту висела бы на волоске. А у нас этот рефлекс идет чрезвычайно далеко, проявляясь, наконец, в той любознательности, которая создает науку, дающую нам высочайшую, безграничную ориентировку в окружающем мире» [5, с. 27–28].

Говоря же о научном знании, другой естествоиспытатель и в другое время (В. Гейзенберг) отмечал, что даже системы понятий, удовлетворяющие всем требованиям логической и математической точности, представляют собой только робкие попытки ориентации в определенных областях действительности. Несколько иными словами ту же тенденцию выразил Хосе Ортега-и-Гассет, утверждая, что в мире в каждый момент, тем самым сейчас, происходит бесконечно много событий, а всякая попытка передать в словах все то, что сейчас действительно происходит, сама по себе смешна. Нам остается одно – построить самим, по нашему разумению, конструкцию действительности, предположить, что она отвечает истине, и пользоваться ею как схемой, сеткой, системой понятий, которая дает нам хоть приблизительное подобие действительности. Это обычный научный метод, больше того – только так пользуются разумом. Если грек в античности верил, что в разуме, в понятиях он обретает саму реальность, то мы полагаем, что разум и понятия – лишь предметы, которыми мы пользуемся чтобы определить свое положение в бесконечной и крайне проблематичной действительности, называемой жизнью.

Первичными механизмами, осуществляющими ориентацию человека в физическом пространстве и времени, выступают ощущение и восприятие, затем идут мышление и воля, опосредствующие ориентировку в пространстве социальных взаимодействий и, наконец, формы общественного сознания, реализующие ориентацию человека как в пространстве социальных взаимодействий, так и в пространстве его вселенского бытия.

Реализуясь объективно в виде ориентационной деятельности, имеющей место в самых различных сферах, ориентационный подход заявляет о себе как о гносеологическом и методологическом феномене в форме его рефлексии на уровне философского знания, т.е., существуя де факто, ориентационный подход в философском исследовании обретает свое «юридическое признание». Как отмечает Э.М. Сороко, ориентация и концентрирующиеся вокруг этой категории понятия, «составляют достояние новой философской реальности, процесс формирования которой восходит к началу 30-х годов XX столетия и продолжается сегодня» [6, с. 76–78].

Субъективная рефлексия ученого позволяет осмыслить тот социокультурный багаж, который приобретен им в результате его вхождения в социальное сообщество вообще и в научное сообщество, в частности. Она позволяет, отвлекшись от второстепенного на данный момент времени, выделить «здесь и сейчас» актуальную основу, фундамент, опору для восприятия окружающего, для познания конкретных явлений именно с этой опоры, с этого фундамента, с этой основы, с этой точки зрения, с этого места в социокультурном общесоциальном развитии. Названная рефлексия как раз и составляет в сущности своей методологическую ориентацию, ориентационный подход реализуемый в научном познании.

Ориентационный подход в научном познании вообще и в научно-исследовательской деятельности, в частности, заключается:

1) в осознании потребности выбора методологических, философско-мировоззренческих оснований, регулирующих, направляющих научно-исследовательскую деятельность;

2) в практической реализации названной потребности выбором и утверждением того качественно своеобразного «угла зрения», под которым ученый воспринимает, осмысливает, оценивает действительность.

На вопрос о том, «что собственно дает ориентационный подход с точки зрения методологической?» – в самом общем плане можно было бы сказать следующее. Прежде всего, он обращает внимание исследователя на сложность, противоречивость, неопределенность явлений действительности как на факт, с которым необходимо не просто считаться, но из которого следует изначально исходить в построении «тактики и стратегии» научного исследования. Следующее, что предпосылается непосредственным исследовательским процедурам в рамках ориентационного подхода, – это требование к исследователю осознанно использовать в качестве культурологического контекста исследовательских программ философского знания о действительности, данного как в форме современного научно-философского категориального аппарата, так и в форме совокупности базисных принципов, позволяющих не только не «потеряться» в мире, полном сложности, противоречивости,

неопределенности и случайности, но, наоборот, делающих возможным извлечение именно из этого мира (полного случайности, неопределенности, беспорядка и т.п.) – закономерности, устойчивости, порядка, смысла и т.п.: люди чувствуют, сознают, что жизнь это не только гармония и порядок, но и хаос, в котором затерян человек. Живая, конкретная действительность всегда запутана, туманна, противоречива, неповторима, и только того, кто может в ней с уверенностью ориентироваться, кто за хаосом ощущает скрытую суть мгновения, кто не теряется в жизни можно считать подлинно разумным человеком (Н.А. Рубакин).

В рамках ориентационного подхода раскрывается та интуитивно ясная мысль, которая в различных формулировках представлена как хрестоматийная истина, прописанная во всех учебниках философии: «философия дает человеку (исследователю) наивысшую ориентировку в мире». Философия использует при этом те фундаментальные идеи гносеологии, логики, методологии, которые пронизывали в различные времена философское и естественно-научное мышление, ибо всякой научной работе всегда предпосылается определенная значимость правил логики и методики в качестве всеобщих основ нашей ориентации в мире [7].

В этом смысле ориентационный подход, реализуемый в деятельности ученого есть специфическое обоснование методологического априоризма, поскольку в качестве непреложного условия исследовательской деятельности выступает необходимость признания явного или неявного существования философско-мировоззренческих установок или же гносеолого-методологических установок, норм, идеалов в сознании каждого ученого. Именно эти установки и идеалы, хочет того ученый или нет, «привязывают» его к определенному стилю мышления, вписывают его в контекст существующего научного знания, задают действительное «место» идей ученого в потоке развивающейся научной мысли.

Ориентация, как особый момент научно-исследовательской деятельности, позволяет формировать знание, обладающее статусом истины «здесь и сейчас», статусом истины конкретного места и времени, конкретных обстоятельств и возможностей [8; 10]. Не следует, однако, за внешней похожестью ориентации на эклектику видеть их тождественность. Известная со времен античности эклектичность в воззрениях на явления действительности, имеет чисто гносеологическую и механистическую по своему существу подоплеку представления объектов мышления в сознании субъекта познавательной деятельности, тогда как ориентационная деятельность призвана выразить не агрегатный характер объектов мысли, а синергетизм процесса познания, в котором «схватывается» вся сложность и противоречивость взаимодействия субъекта и объекта познания. Рассматриваемая в качестве методологической предпосылки исследовательского процесса ориентационная деятельность более уместна, востребована, предпочтительна там, где речь идет об объектах, интегрирующих в себе «физику, химию и математику жизни» с ее духовностью и смыслом. Там же, где речь идет о задачах, требующих языка однозначности, логической строгости, выражающей порядок и необходимость, – там нужны, в первую очередь, различного рода логики, начиная от формальной традиционной, и, кончая логикой диалектической, взятой во всеоружии обобщения ею новейших открытий науки. Искомый вопрос о соотношении рационального и иррационального в жизнедеятельности человека трансформируется тем самым в вопрос о природе, сущности и механизмах его ориентационной деятельности.

Среди известных ранее и существующих ныне механизмов ориентационной деятельности одним из важнейших является механизм мировоззренческой ориентации, реализуемый философским мышлением. В этом плане нельзя не согласиться с Х.-Г. Гадамером в его характеристике философии нашего времени как самосознания человека в современную эпоху науки, призванного ответить на радикальный вопрос: «Как возможно понимание окружающего нас мира и как в этом понимании воплощается истина бытия» [9].

Являя и выражая собой многообразие различных интеллектуальных течений и школ, философия делает сознание общества и сознание личности диалогичным и полифоничным. Но, играя по-прежнему важную роль в решении проблемы самоопределения, нахождения человеком себя в текучести и противоречивости бытия, она, в силу неоднозначности, плюралистичности оценок и подходов к явлениям природы, общества и духовной жизни, на уровне ее практического применения сама нуждается в предварительной ориентации. Так что и в практической и в теоретической сферах постижение повседневной жизни, ее смыслов и ценностей, идущее через снятие напряжений, противоречий между различными сферами культуры, ведет к необходимости основательного осмысления самой сущности, значения, роли ориентационных механизмов жизнедеятельности человека, конкретизирующих и реализующих диалектику его бытия в мире, диалектику необходимости и свободы его самоопределения как мыслящего, чувствующего и переживающего субъекта.

Система образования всегда составляла и составляет неотъемлемый элемент общественной жизни. Она в полной мере испытывает в своей деятельности все то, что заставляет ныне людей искать новые оптимальные, соответствующие техническим, экономическим, демографическим, экологическим и иным вызовам XXI в., формы социально-политического, экономического, культурного устройства. Глобальность социальных трансформаций, имеющих место на постсоветском пространстве, не является совершенно уникальным явлением. История общественной жизни содержит весьма впечатляющие прецеденты, позволяющие на их основе лучше понять суть происходящего ныне, позволяющие сформулировать определенные концептуальные идеи, нацеленные на преодоление состояния, характеризуемого чертами неустойчивости, противоречивости, деструк-

тивности, дезориентации и т.п., свойственными нашему обществу в его современном виде. Так, например, Великая Депрессия, потрясая Западную цивилизацию в первой трети XX в., совпала по времени с «когнитивной революцией». Выход из депрессии Западом был найден на путях перехода его на новый сервисный экономический уклад, когда позиции непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции стали год от года относительно уменьшаться, достигнув к концу XX ст. соответственно 3–7% в структуре совокупной занятости, тогда как сфера сервиса поглотила свыше 80% экономически производительного населения.

В этот период, соответственно, сменился идеал познания, произошло обновление сознания, изменился образ мышления субъекта. Суть этих изменений заключалась в том, что ориентация на полноту знания уступила место ориентации на целостность. Это в свою очередь открыло путь системной методологии – системному подходу, системным принципам познания, системологии, общей теории систем. Понимание того, что социальные трансформации при всем их объективном характере могут иметь позитивный эффект лишь при условии, что опережающим образом, или по крайней мере, одновременно происходит изменение сознания людей, их идеалов, устремлений и т.п. характерно проявило себя уже в конце 80-х годов прошлого столетия в переустройстве постсоветского общества.

Естественно, что в общем плане система образования имела к этим преобразованиям самое непосредственное отношение, формируя новые духовные приоритеты, новые мировоззренческие идеалы и т.д. Идея теснейшей связи, существующей между системой образования, ее конституирующими элементами, с одной стороны, и доминантной совокупностью образующих и реализующих общественную жизнь элементов, с другой, нашла оригинальное и достаточно обстоятельное раскрытие в ряде работ Э.М. Сороко. Некоторые положения, развиваемые в этих работах, заслуживают особого внимания и обсуждения.

Речь, в первую очередь, идет о том, что в понимании столь сложных явлений как общество, включенных к тому же в природные, космические, вселенские процессы, невозможно обойтись без понятийного инструментария синергетики и, в частности, без одной из универсальных, как считает Э.М. Сороко, характеристик этой науки – ориентации. Раскрывая ее содержание, он пишет: «пространство возможностей, энтропия и негэнтропия, самоорганизация, аттрактор и параметр порядка, ведущий центр и динамический хаос, диссипативные процессы, интегральное измерение реальности, оптимизация проективного творчества, ставка на синтез идей, архетип целостности как превращенная форма и основа системности представлений, экологическое мышление – эти и другие опорные понятия и конструкты формирующегося синергетического мировоззрения могут быть связаны воедино понятием ориентации, которое за пределами равновесия означает вектор развития, градиент, установку, направление устремлений, курс движения, упорядоченность строения или поиска, экстремальность нацеленности и т.п.» [6, с.78].

Интегральный характер категории ориентации позволяет использовать ее как средство осмысления фундаментальных предпосылок сложнейших социальных процессов и, в частности, осмысления глобальных трансформаций в содержании, механизмах, целевых установках общественной жизни. В связи с этим встает вопрос об исследовании отношений, иерархии, формирующихся на различных уровнях взаимодействия объектов живой и неживой природы ориентаций, важнейшее место среди которых занимают мировоззренческие, социальные и культурологические ориентации, продуцируемые посредством соответствующих биологических, социальных и иных механизмов, а, именно: различных форм общественного сознания (философия, наука, религия, искусство и т.д.), социальных институтов (система образования, средства массовой информации, учреждения культуры и т.п.) и др.

Подводя итоги, можно заметить, что трансформационные процессы характерны сегодня не только для постсоветских государств, где они протекают в наиболее острых формах, но и для человечества в целом, поскольку, в определенном смысле, и оно на рубеже тысячелетий тоже оказалось на перепутье. Так что свойственный миру системный кризис создает предпосылки для новых видов ориентации, для «смены направления концепции бытия». Очевидной и назревшей становится необходимость через механизмы образования, науки и культуры «пустить в оборот» общественной жизни ориентации, адекватные характеру и содержанию происходящих в современном обществе перемен. При этом образование, наука и культура как важнейшие механизмы социальной и культурологической ориентации должны в процессе своего функционирования «делать ставку», опираться на «человеческое в человеке», на синтез опыта и разума, на понимание того, что реальная жизнь на земле не просто представляет образы вечного бытия Рая и Ада, но собственно и является самым действенным их воплощением в деятельности людей и в результатах этой деятельности.

На наш взгляд нельзя не согласиться с тем, что сегодня смена ориентаций происходит на мировоззренческом поле: антропоцентристское мировоззрение изживает себя и сменяется коэволюционным, эквантропоцентрическим – мировоззрением совместного спасения природы и развития человека в ней. В пределах этих происходящих в мировоззренческой сфере трансформаций стремится к кульминации процесс формирования информационного общества, превращения его в единый планетарный организм [6]. Разумеется, в синергетических коллизиях конечных результатов совместной деятельности людей слишком многое зависит от того на

что, исходя из мировоззренческих позиций и установок, сделаны акценты – какие именно ориентиры, ценности, идеалы, нормы общественной жизни берутся в качестве отправных, исходных, базисных в организации, устройстве, преобразовании жизни в масштабах всего общества. Отдавая себе отчет в том, что реальное состояние общественной системы и в статике, и в динамике детерминировано взаимодействием множества факторов, в качестве определяющих позитивную направленность социальных изменений вполне правомерным представляется выдвигание, вслед за Э.М. Сороко, следующих базисных ориентаций:

а) ориентации на «Дух времени», выраженный в синтезе, схождении в человеческой деятельности, практике законов природы и общества, законов экономики, права и морали; ориентация на «вневременную мудрость веков, постигнутую народами за всю историю их возрастания, аккумулировавшую их жизненный опыт, бережно пронесенную ими через все времена» как опорный пункт знаний, необходимых для успешной практической деятельности;

б) ориентации на швейцарский императив «благоговения перед жизнью», концентрирующей в себе знания о развитии мира и входящих в него подсистем; знания о жизни как динамической системе, едином потоке гармонизирующих и дисгармонизирующих влияний;

в) ориентации на профессионализм, компетентность специалиста в конкретных областях, опосредованные знанием свойств и качеств больших систем, умением согласовывать их цели со своими целями, освоением закономерностей материального мира и мира идеального, включая виртуальную реальность;

г) ориентации на необходимую ответственность за принятые решения и поступки, за деятельность, опосредованную объективной сопричастностью человека всему тому, что окружает и происходит вокруг него.

Не исчерпывая всех детерминант, обуславливающих активность и направленность жизнедеятельности человека, выдвинутые ориентации, интериоризированные сознанием субъекта социальной практики при непосредственном участии институтов образования, науки, культуры и т.п., концентрируют в себе потенциал достаточно явного и ощутимого воздействия, формирующего глубинные интенции общественного развития, адекватные требованиям постоянно меняющегося мира.

ВЫВОДЫ

Акцентирование внимания на ориентационных аспектах функционирования таких социальных институтов как наука и образование, важнейшей функцией которых является выработка и внедрение в общественную практику ориентаций, отвечающих современным вызовам, актуальна прежде всего потому, что перманентная трансформация, свойственная всегда современной, общественной жизни, лишь тогда может получить позитивную направленность и смысл, когда общество предвосхитит ее течение выработкой материальных и духовных ценностей общечеловеческого характера и содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженов, Л.Б. Обладает ли наука особым эпистемологическим статусом? / Л.Б. Баженов // Вопросы философии. – 1988. – №7.
2. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М., 1986.
3. Дембовский, Я. Деконструкционизм как критика рациональности познания / Философия понимания и современные социально-гуманитарные исследования // Материалы Республиканской научно-практической конференции. – Брест, 1997.
4. Шаш, С.Дз., Крукаў, В.М. Ля вытокаў філасофскіх ведаў // С.Дз. Шаш., В.М. Крукаў. – Брэст, 1994.
5. Павлов, И.П. Полное собрание сочинений / И.П. Павлов. – Изд. 2. – М. – Л., 1951. – Т. 4.
6. Сороко, Э.М. Ориентация и целеустремленность / Э.М. Сороко // Чалавек. Грамадства. Свет. – Минск, 2001. – №4.
7. Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М., 1990.
8. Крюков, В.М. Ориентационная деятельность и мировоззрение: эко-философский аспект / В.М. Крюков. – Брест, 1999.
9. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М., 1988.
10. Бочаров, В.А. Юраскина, Т.И. Божественные атрибуты / В.А. Бочаров, Т.И. Юраскина. – М.: Изд-во МГУ, 2003.

ORIENTATION APPROACH IN SCIENCE AND EDUCATION

V.M. KRIUKOV

Summary

In the present article the orientation approach as a special gnoseologo-methodological unit of knowledge and activity is investigated; the fundamentals and premises of this approach are parsed, specificity of the mechanism of its implementation in science and education is analyzed. The orientation approach plays a key role by searching of answers to the challenges concerning loss by the people of conventional legs of their vital activity in the conditions of global modifications in the system of attitudes of a person to the world and himself.

Поступила в редакцию 30 сентября 2008 г.